

Несмотря на то, что прошлой ночью Е Чжицю спал мало, он, к своему удивлению, чувствовал себя бодрым утром, и работа шла очень эффективно. Проработав всё утро, юноша в обеденный перерыв, как и договаривались, спустился вниз и отправился в ресторанчик напротив.

Ци Синь уже был там и постоянно выглядывал на улицу. Увидев его, он вскочил.

— Устал, наверное, Сяо Цю, — Ци Синь улыбнулся, когда официант принёс кофе. — Специально попросил добавить тебе побольше сахара.

— Спасибо, — Е Чжицю улыбнулся в ответ.

Прошлая ночь действительно была бурной и утомительной, но не из-за работы.

— Что ты со мной церемонишься? — сказал Ци Синь, польщённый тем, что Е Чжицю был к нему благосклонен.

Официант при нём лично налил кофе, так что вряд ли его отравили. Обстановка тоже была безопасной. Е Чжицю осторожно осмотрелся по сторонам и, увидев несколько знакомых лиц из компании, которые обедали, успокоился.

— Пару дней назад Е Чжися позвал меня, — Ци Синь начал разговор. — Он сказал, что ты и Гао Вэнье, его парень...

Ци Синь не осмелился продолжить. Е Чжицю всегда был непредсказуем, особенно в таких вопросах. Он, Ци Синь, не имел права вмешиваться и высказывать своё мнение.

Как и ожидалось, Е Чжицю насмешливо посмотрел на него. Но на этот раз он не стал на него нападать.

— Я западу на этого старикашку Гао Вэнье? — Е Чжицю презрительно усмехнулся, в его глазах читалось отвращение. — О чём думает Е Чжися? Неужели он всерьёз считает, что то, что он считает сокровищем, все остальные тоже будут считать сокровищем?

С этими словами он разблокировал свой телефон, нашёл переписку с Гао Вэнье и показал её Ци Синю. Чем больше мужчина читал, тем мрачнее становилось его лицо.

— Как он смеет приставать к тебе? — сдерживая гнев, сказал он. — Когда я его увижу, я обязательно...

— Ты обязательно что? — Е Чжицю улыбнулся. — Он всего лишь отправил сообщение.

Ци Синь поджал губы, его лицо было полно негодования, он не мог вымолвить ни слова.

— Значит, — спросил Е Чжицю, — Е Чжися сказал, и ты сразу поверил?

— Я... — Ци Синь чувствовал себя виноватым, но понимал, что ни в коем случае нельзя в этом признаваться. — Как я могу поверить ему?

— Вот и хорошо, — Е Чжицю с улыбкой посмотрел на него.

Глаза юноши были слегка прищурены, карие зрачки казались очень глубокими, в свете ламп они напоминали сладкий мёд. Сердце Ци Синя забилось чаще, ему стало тепло и приятно, будто он вот-вот растает.

Они сидели друг напротив друга, Ци Синь услужливо накладывал еду Е Чжицю.

Узнав, что тот совершенно не интересуется так называемым парнем Е Чжися, Ци Синь наконец-то успокоился. Но в то же время он вновь вспомнил о таблетках, которые дал ему Е Чжися. С одной стороны, он считал его невероятно злобным, с другой — не мог не смотреть на Е Чжицю.

Сегодня лицо юноши казалось особенно мягким, даже губы были более румяными, чем обычно.

Сердце Ци Синя забилось ещё быстрее.

— Ци Синь, — словно почувствовав его взгляд, Е Чжицю поднял глаза. — Как ты думаешь, как можно по-настоящему завоевать человека?

Ци Синь:

— Жениться?

Е Чжицю улыбнулся и слегка покачал головой.

— Для меня, — сказал он, — важно, чтобы этот человек был искренне добр ко мне.

— Я буду очень добр к тебе, Сяо Цю, — тут же сказал Ци Синь.

— Штамп в паспорте ничего не значит, секс тоже ничего не значит, — Е Чжицю не ответил на его слова, а лишь с улыбкой посмотрел на него. — Ци Синь, только если человек добр ко мне, не предаёт и не обманывает меня, я смогу по-настоящему открыться ему и сделать следующий шаг.

— Гао Вэнье, — он презрительно усмехнулся. — Кто он такой? Всего лишь неверная собака.

Ци Синь не расслышал последних слов. Фраза Е Чжицю «Штамп в паспорте ничего не значит, секс тоже ничего не значит» ударила его словно обухом по голове, в ушах зазвенело. Невольно по спине пробежал холодок.

Сотрудничая с Тао Жоцин, он считал, что если никто не скажет, то Е Чжицю не увидит никаких подсказок. Но... Он бессознательно коснулся своего кармана. Эта бутылочка с лекарством... он действительно думал о ней. Если бы он действительно оступился и использовал её на Е Чжицю... Он даже не мог представить.

"Ее нужно срочно выбросить", - подумал Ци Синь, не должно остаться ни малейшего следа.

...

В четверг днем Чжоу Хуэй пришла на примерку. Она была высокой и худой, выглядела болезненной и совсем не имела жизненной энергии. Надев то самое ярко-красное платье из шёлка Саньюнь, она почти не смогла справиться с его аурой. Но если смотреть только на фигуру, то она была особенно подходящей. Честно говоря, первая примерка Чжоу Хуэй не была удовлетворительной. Возможно, потому что ее жизнь и карьера всегда шли не очень гладко, она сама не имела той уверенности на подиуме.

После примерки, Е Чжицю ещё не успел сказать ни слова, как модель сама сдала позиции.

— Учитель Е, может, вы посмотрите, подходит ли кто-то другой?

Это был первый раз, когда кто-то пригласил Чжоу Хуэй на такое большое шоу. Обычно она участвовала в мелких и скромных показах, там, где не хватало людей. У нее не было возможности попасть на более крупные показы в стране, не говоря уже о четырёх крупнейших международных неделях моды. Как в сказке, Господь дал ей эту возможность, но, увы, она не смогла ухватиться за неё с достаточной смелостью и уверенностью.

— Будь увереннее, — улыбнулся Е Чжицю, глядя на неё, — давайте потом нанесем макияж и попробуем ещё раз.

Чжоу Хуэй: ...

Она стеснительно посмотрела на Ван Жу рядом с ней.

Ван Жу, только что приобретшая доверие благодаря Вэй Тинцину, теперь снова почувствовала себя неуверенной и замолчала.

К счастью, визажист вскоре прибыл. Основываясь на личных особенностях Чжоу Хуэй после её известности в прошлой жизни и особенностях этого наряда, Е Чжицю кратко изложил свои требования к макияжу. В прошлой жизни модель, став известной, была очень уверена в себе и сияла. Поэтому на этот раз Е Чжицю не собирался приглашать визажиста, а просто хотел грубо оценить, есть ли что-то, что нужно изменить. Так что визажист был вызван по телефону Ван Жу из постоянно сотрудничающей команды стилистов.

Визажист, который давно работал с подиумным макияжем, лишь немного осмотрелся, а затем, сочетая с требованиями Е Чжицю, нарисовал Чжоу Хуэй очень жизнерадостный и наивный макияж. Шёлк Санъюнь был нежным, даже красный цвет дарил ему изящество и элегантность. А жизнерадостность и наивность на лице Чжоу Хуэй как раз уравновешивали её смирение и неуверенность.

— Давай ещё раз попробуем, — сказал Е Чжицю.

Чжоу Хуэй, держа осторожно платье, вошла в примерочную. Оно было таким красивым, будто закат был снят с неба и накинут на её тело. Свет почти лишил ее возможности поднять голову. Хотя она уже несколько лет работала моделью, такое красивое платье Чжоу Хуэй видела впервые. Боясь испачкать макияжем платье, она одевала его осторожно.

Выйдя из примерочной, Чжоу Хуэй сначала посмотрела на выражения лиц Е Чжицю и Ван Жу. Выражение дизайнера было в целом без изменений, но глаза Ван Жу явно вспыхнули. Она, казалось, не сдержала радости и посмотрела на Е Чжицю, но, заметив его немного строгое выражение лица, через мгновение снова подавила свои эмоции.

— Учитель Е, — прошептала Чжоу Хуэй, робко обращаясь к Е Чжицю.

— Посмотри на себя в зеркало.

Чжоу Хуэй повернулась. Длинный подол, следуя за её движениями, тянулся за ней как закатные облака, невероятно прекрасные. Она посмотрела на себя в зеркало. Не зная, было ли это из-за платья, Чжоу Хуэй впервые почувствовала, что она красива. В зеркале она была с изящными плечами и тонкой талией. Высокая линия талии подчеркивала её длинные ноги. Именно такой тип фигуры она видела на различных подиумах и завидовала. А ярко-красный шёлк Санъюнь, облекая её, добавлял ей особой таинственной красоты, свойственной только Востоку.

"Если бы я могла быть немного расслабленнее", - подумала Чжоу Хуэй.

Вслед за своими мыслями она вдруг подняла глаза и посмотрела на Е Чжицю.

— Почему ты не уверена в себе? — спросил Е Чжицю, говоря очень мягко, — ты должна видеть себя, ты очень красива и также очень талантлива.

Чжоу Хуэй: ...

Получив такую похвалу и возможность перед лицом невзгод, Чжоу Хуэй была настолько тронута, что глаза слегка покраснели.

— Я просто, никогда не имела возможности участвовать в таком показе, — сказала она, — обычно я участвовала в показах в торговых центрах, даже нескольких настоящих показов моды не было, я...

Даже если она усердно тренировалась, доведя до автоматизма позы и движения на подиуме, всё равно никто не приглашал её.

— Ты так себя ведёшь, когда участвуешь в показах в торговых центрах? — спросил Е Чжицю.

Чжоу Хуэй покачала головой.

Это была самая знакомая ей сцена, она не нервничала и не чувствовала себя униженной.

— Вот именно, — сказал Е Чжицю, — куда бы ты ни шла, твой путь один и тот же, подиум ли это в торговом центре или подиум в Париже — его ты проходишь своими двумя ногами, шаг за шагом. Так что не бойся.

— Если действительно сильно нервничаешь, — он улыбнулся, — представь, что каждый следующий показ — это подиум в торговом центре.

Чжоу Хуэй моргнула, опустив глаза.

Ван Жу снова посмотрела на Е Чжицю. Она заметила, что оковы на Чжоу Хуэй постепенно исчезали. Её тело медленно расслабилось, осанка стала более грациозной, а выражение лица постепенно успокоилось.

Чжоу Хуэй могла быть такой красивой?

Ван Жу не могла не восхищаться. Эта девушка, которую она видела раньше, болезненная и лишённая жизненной силы, стала казаться совсем другой за мгновение.

Не знаю, как Е Чжицю увидел скрытые потенциал и особенности в ней.

На этот раз Ван Жу была по-настоящему поражена Е Чжицю.

Она твёрдо решила, что в будущем будет беспрекословно подчиняться Е Чжицю: если он

скажет ей идти на восток, она не пойдет на запад.

— Хорошо. — Е Чжицю тоже улыбнулся и, повернувшись к Ван Жу, сказал: — Найди ей хорошего учителя на эти несколько дней перед отъездом.

Ван Жу кивнула, её уверенность значительно возросла. Когда Чжоу Хуэй переоделась, та сразу же отвела её к учителю. Когда они ушли, Е Чжицю, немного испугавшись, закурил сигарету, чтобы успокоиться.

В прошлой жизни Чжоу Хуэй должна была стать знаменитой через четыре-пять лет. Он видел только её достижения и славу, но упустил из виду, что сейчас модель — это всего лишь серое невзрачное семечко, погребённое в земле и ещё не успевшее прорасти.

Но, к счастью, хороший саженец — это хороший саженец. Чжоу Хуэй очень сообразительна, и хотя в её характере есть доля неуверенности в себе, она также очень упряма. Он верил, что если она возьмет на себя эту тяжёлую ношу, то обязательно справится с ней хорошо. Даже если она не будет самой выдающейся, ей достаточно будет проявить хотя бы пятьдесят-шестьдесят процентов своих способностей из прошлой жизни.

Но этот случай всё же послужил ему тревожным звонком. Чрезмерная зависимость от информационного преимущества прошлого может однажды привести к тому, что он оступится и разобьётся вдребезги. Ему нужно было выйти за рамки, потратить больше времени и сил на размышления и наблюдения.

Пока он спокойно размышлял, вдруг зазвонил внутренний телефон рядом с ним. Е Чжицю рассеянно ответил:

— Алло, кто это?

На другом конце провода на мгновение воцарилась тишина, а затем тихий голос Цинь Цзяньхэ раздался у него в ухе:

— Е Чжицю.

Юноша вздрогнул, и пепел от сигареты упал ему на одежду. Возможно, из-за того, что они однажды переспали, он почувствовал, как его сердце затрепетало от одного только голоса Цинь Цзяньхэ.

— Господин Цинь. — Е Чжицю поджал губы.

— Зайди ко мне в кабинет. — Сказал Цинь Цзяньхэ.

— По работе или по личному делу? — Осторожно спросил парень.

На другом конце провода послышался тихий смешок, а затем снова воцарилась тишина. Через мгновение раздался смеющийся голос Цинь Цзяньхэ.

— И то, и другое. — Сказал он.

— Не болтай ерунду. — Сказал Е Чжицю. — Я занят.

Но повесив трубку, юноша, словно одержимый, потушил сигарету и направился наверх. Только дойдя до двери кабинета Цинь Цзяньхэ, он вдруг опомнился.

Зачем он сразу же поднимается, как только Цинь Цзяньхэ зовет его? Разве это не выглядит так, будто он теряет своё достоинство?

Он уже собирался повернуть назад, как вдруг из кабинета вышел Чжоу Тунсинь.

— Учитель Е. — Чжоу Тунсинь держал в руках толстую пачку документов. — Вы к господину Цинь по делу?

— О. — Е Чжицю пришлось остановиться и сохранить вежливую улыбку. — Я хотел ещё раз обсудить с господином Цинь вопросы, связанные с выставкой.

— Вы как раз вовремя. — Чжоу Тунсинь понизил голос и заговорщицки сказал: — У начальника, похоже, наступила вторая молодость, настроение у него отличное. Только что, когда я зашёл, он разговаривал с кем-то по телефону и так смеялся!

Е Чжицю:

— ... Хе-хе.

Честно говоря, за все те годы, что Чжоу Тунсинь работал с Цинь Цзяньхэ, он впервые видел, чтобы тот так смеялся.

Ух ты!

Его начальник с ледяным, невозмутимым лицом, оказывается, умеет так смеяться?

Чжоу Тунсинь был просто потрясён. Особенно когда он только что открыл дверь, он чуть не вышел обратно, чтобы проверить, не ошибся ли он дверью, или не вселился ли в его начальника какой-нибудь дух.

Помощник был увлечён сплетнями, но основные качества секретаря у него всё ещё были. Он понимал, что нужно быть сдержанным с посторонними, за исключением сотрудников секретариата. Сдержав улыбку, он сказал Е Чжицю:

— Учитель Е, вы как раз вовремя, проходите.

Когда Чжоу Тунсинь отошёл подальше, Е Чжицю поджал губы и постучал в дверь кабинета Цинь Цзяньхэ. На этот раз никто не сказал «войдите». Потому что дверь открылась изнутри.

Внезапно Е Чжицю встретился взглядом с глубокими глазами Цинь Цзяньхэ. В этих глазах словно горел тёмный огонь, от которого у парня в голове раздался лёгкий гул. В следующее мгновение мужчина схватил его за запястье и втянул внутрь.

Раздался едва слышный щелчок, и Е Чжицю, опешив, понял, что Цинь Цзяньхэ запер дверь.

<http://bllate.org/book/14243/1258077>